

ЛЕГЕНДА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИ

(К 240-летию со дня рождения Н. Дуровой)

Кавалерист-девица, гусар-девица, улан-панна... Живая легенда Отечественной войны 1812 года... Только мало кому известно, что в действительности Надежда Дурова, она же Александр Соколов, она же Александр Александров, во-первых, не была девицей, а во-вторых, начала воинскую службу еще до того, как Наполеон двинул свои войска на Россию. Еще менее известно, что она была наделена определенным литературным талантом и оставила тому весомые доказательства. Но обо всем по порядку...

Романтика в жизни Надежды началась ... еще до ее рождения. Дело в том, что малороссийская красавица Надежда Ивановна Александрович, до смерти влюбилась в молодого гусара, Андрея Васильевича Дурова, бедного, незнатного, да еще и русского. Отец ее категорически потребовал, чтобы дочь «... выбросила из головы дурацкую мысль выйти замуж за москаля, военного и нищего». У гусара действительно была одна крохотная деревушка в Сарапульском уезде Вятской губернии, и ни гроша за душой, кроме жалования.

Романтичная красавица пренебрегла родительской волей, сбежала из дома и тайно обвенчалась с предметом своей страсти. Но уже очень скоро горько об этом пожалела. Она привыкла к роскоши и всеобщему обожанию, к многочисленной прислуге, моментально выполнявшей все ее капризы, а тут – более чем скромная жизнь офицерской жены и все «прелести» армейской жизни. Словом, через пару месяцев юная госпожа Дурова мечтала только об одном: родить сына, умиловать этим папеньку и, если не вернуться к прежнему образу жизни, то хотя бы не нуждаться в деньгах. Увы, через год после скоропалительного брака, в 1783 году родилась дочь, при крещении также получившая имя Надежда и своим появлением «похоронившая» все надежды своей маменьки.

Вдобавок, девочка была на редкость беспокойной, мешала матери спать (а в походных условиях это было единственным способом отдохнуть и убить время), так что импульсивная и вспыльчивая Надежда Ивановна в один прекрасный день просто ... вышвырнула младенца из окна кареты, в которой следовала за полком.

Такого не видывали даже суровые вояки, так и ахнувшие при виде лежащего на земле окровавленного тельца. Отец же едва не лишился чувств от ужаса и перекрестился, когда дочка открыла, наконец, глаза, и заплакала. Андрей Васильевич не решился вернуть младенца взбалмошной и непредсказуемой матери и передал ее на попечение ... своему денщику Астахову. Тот и заменил мать будущей «кавалерист-девице». Дядька-гусар днями напролет носил девочку на руках, ходил с нею в эскадронную конюшню, сажал на лошадей, давал играть пистолетом, что действовало на малютку завораживающе: она переставала плакать, радостно смеялась и хлопала в ладоши.

Наденька с пеленок не боялась ни оружия, ни лошадей, ничего и никого, кроме... родной матери. Вот ее она боялась почти до обморока и старалась как можно реже находиться рядом с нею. Впрочем, мать отвечала ей взаимностью: с ужасом смотрела на маленькую девочку, которая играла только в войну, бегала, как мальчишка, и ни под каким видом не желала усваивать «хорошие манеры». Да и красоты матери она не унаследовала, что тоже огорчало все еще прекрасную Надежду Ивановну.

Когда Наденьке исполнилось 6 лет, походно-кочевая жизнь семьи Дуровых закончилась – Андрей Васильевич получил место городничего в родном городке Сарапул. Помимо Наденьки, уже было еще трое детей – две девочки и долгожданный мальчик. Их мать успокоилась, по-своему любила и дочек, и сына, даже старшую начала приучать к женским занятиям: рукоделию и ведению хозяйства. Поздно... Кое-как выполнив задание, Надя тайком сбегала на конюшню и там играла в «военные экзерсисы». Отец, обожавший старшую дочь, подарил ей на один из дней рождения ... черкесского жеребца, злого и норовистого, который, однако, очень скоро признал свою юную хозяйку и ходил за ней, как собачонка. Надя назвала жеребца Алкидом, собственноручно за ним ухаживала, и добилась в искусстве верховой езды таких вершин, что даже бывалые вояки-кавалеристы приходили в восхищение.

В маленьком городке трудно что-либо скрыть, и странные причуды дочки городничего быстро стали любимым предметом сплетен местных кумушек. К тому же она не унаследовала материнской красоты, да и оспа оставила на ее лице приметные следы, так что женихи все не являлись – к великому огорчению родителей. А годы шли... Отчаявшаяся мать наконец отправила свою строптивную дочь в Малороссию – к бабушке, к тому времени уже овдовевшей и обедневшей. Оказавшись вдали от материнских придирок и унижительного надзора, под крылом доброй и любящей бабушки, Надя стала забывать свои гусарские замашки, похорошела и расцвела. Тут-то ее и настигла первая и единственная в ее жизни любовь, причем взаимная, к сыну соседской помещицы. А та и слышать не хотела о том, чтобы ее невесткой стала бесприданница, так что влюбленных достаточно бесцеремонно разлучили.

Пришлось вернуться к родителям – с разбитым сердцем – и возобновить свои конные прогулки и упражнения в стрельбе. Неожиданно живая и энергичная девушка привлекла внимание небогатого чиновника Ивана Чернова, который решил попросить ее руки. Маменька пришла в восторг, а Надя – в ужас от перспективы брака с незнакомым и совершенно нелюбимым человеком. Она рыдала сутками напролет и отец, по-прежнему обожавший дочь, хотел, было, отказать жениху, но... Он не мог ни в чем отказать своей властной и капризной супруге, а та ни о чем так не мечтала, как о возможности сбить с рук строптивную старшую дочь и заняться судьбой других детей. Ей удалось невероятное: убедить Надю, что в браке она обретет столь желанную для нее свободу. Хотя это противоречило всему, что Надежда Ивановна внушала дочери до этого, уговоры подействовали.

Восемнадцать лет Надя была выдана замуж за человека доброго, хорошего, спокойного, и ... совершенно ей чужого. Через год родила сына (о чем, кстати, в своих «Записках» впоследствии даже не обмолвилась), но, судя по всему, не испытывала к ребенку ровно никаких чувств. Но зато у нее появилось неодолимое отвращение к супружеской жизни, в котором она, по молодости и наивности, винила мужа. Она привыкла считаться только с собственными желаниями и, встретив как-то некоего есаула, почти сразу стала с ним близка. Правда, вскоре с ужасом поняла, что плотские радости внушают ей отвращение сами по себе, и не зависят от мужчины. С молодым красавцем-есаулом было весело и замечательно скакать верхом наперегонки, упражняться в стрельбе, рассуждать о войнах... Но постель – б-р-р!

Разрыв был неизбежен. Надежда поклялась, что ни один мужчина более к ней не прикоснется. Но все равно скандал разгорелся нешуточный, жизнь в крошечном городке с оскорбленным и запившим по этому поводу мужем стала невыносимой. Выход нашелся неординарный: из приходивших с большим опозданием в их городок газет узнала, что Россия как раз начинает боевые действия за границей...

«Воинственный жар с невероятною силою запылал в душе моей; мечты зароились в уме, и я деятельно начала изыскивать способы произвести в действие прежнее намерение свое – сделаться воином, быть сыном для отца своего и навсегда отделаться от пола, которого участь и вечная зависимость начинали страшить меня».

Отец – единственный человек, который мог бы остановить сумасбродку – был в отъезде, о муже и крошечном сыне она не задумывалась ни на секунду. Через их городок, отправляясь на театр военных действий, только что прошел Конно-польский полк, и, переодевшись в казацкий наряд, Надя поскакала на своем Алкиде за ним. Нагнав его и назвавшись Александром Соколовым, сыном помещика, она получила позволение следовать за казаками.

«Итак, я на воле! Свободна, независима! Воля, драгоценная воля кружит голову мою восторгами от раннего утра до позднего вечера! Свобода, драгоценный дар неба, сделалась, наконец, моим уделом навсегда! Я ею дышу, наслаждаюсь, ее чувствую в душе и сердце!».

Да, она действительно наслаждалась тяготами походной жизни, голодом, усталостью, а больше всего – боями, свистом пуль. Хотя... сама признавалась позже в своих «Записках», что ни разу не пролила человеческой крови. Жестокость воина была ей не свойственна. Верный Алкид не раз чудом вывозил свою хозяйку из самых опасных переделок, и его случайная гибель стала для Надежды серьезнейшим ударом: гибель товарищей по полку она переносила хладнокровно, коня же оплакивала самыми настоящими слезами.

Шло время, и постепенно искательница приключений вполне освоилась с походной жизнью.

Александр Соколов участвовал во многих битвах, всюду проявляя храбрость и не вызывая никаких подозрений у сослуживцев. За спасение раненого офицера в разгар сражения «он» был награжден солдатским Георгиевским крестом и произведен в офицеры, с последующим переводом в Мариупольский гусарский полк. Наконец-то Надежда – гусар-девица(!).

Полк в конце марта был направлен в Пруссию, откуда Надя написала отцу письмо, в котором просила прощения за свой поступок и требуя «позволить идти путем, необходимым для счастья».

Письмо это, дядя Надежды, живший в столице, показал знакомому генералу, и вскоре слух о «кавалерист-девице» дошел до самого императора Александра I, который повелел доставить к нему «сей уникам, не раскрывая инкогнито». Буквально умирающего от страха новоиспеченного гусарского офицера доставили к государю вместе с рапортом его начальника, главнокомандующего Буксгевдена, с самыми лестными отзывами о боевых качествах Соколова. Император, ожидавший увидеть, по-видимому, что-то экзотическое, из ряда вон выходящее, узрел перед собой невысокого, худого и бледного юношу, который ничем не походил на легендарных амазонок. Может быть, поэтому, неожиданно для самого себя, и задал вопрос:

- Я слышал, что вы не мужчина, правда ли это?

- Да, ваше величество, правда! – пробормотал «юноша».

Император и свита оторопели. Первым пришел в себя Александр, который в достойных выражениях отдал дань мужеству и героизму мадемуазель, которую он лично желал бы наградить и с почестями отправить домой... Мадемуазель едва ли не впервые в жизни повела себя по-женски. Она рухнула на колени и громко зарыдала:

- Не отсылайте меня домой, ваше величество! Я умру там, непременно умру! Не заставьте меня сожалеть, что не нашлось ни одной пули для меня в эту кампанию! Не отнимайте у меня жизни, государь! Я добровольно хотел ею пожертвовать для вас!

- Чего же вы желаете? – спросил еще более ошеломленный император.

- Быть воином! Носить мундир, оружие! Это единственная награда, которую можете дать мне вы, государь! Другой для меня нет!

Во всяком случае, именно так передала свои слова Надежда Дурова в «Записках». И император Александр 1... согласился.

«- Если вы полагаете, что одно только позволение носить мундир и оружие может быть вашей наградой, то вы будете иметь ее! И будете называться по моему имени – Александров. Не сомневаюсь, что вы сделаетесь достойной этой чести отличностью вашего поведения и поступков; не забывайте ни на минуту, что это имя всегда должно быть беспорочно, и что я не прощу вам никогда и тени пятна на нем!..».

Александров прослужил в Мариупольском полку около трех лет, а затем попросил перевести его в другой полк. Причина была весьма деликатной: во все еще безусого гусара ... влюбилась жена полковника, и никогда не бегавший от врага подпоручик предпочел сбежать от греха подальше, ничем, впрочем, не запятнав честь увлекшейся им дамы. В 1811 году Дурова (Александров) перешла в Литовский уланский полк, в составе которого приняла участие в боевых действиях Отечественной войны. В Бородинском сражении она получила контузию и была произведена в чин поручика. В

качестве адъютанта (ординарца) фельдмаршала Кутузова (о чем почему-то умалчивают почти все военные историки), прошла с ним до Тарутина. Участвовала в компаниях 1813 – 1814 годов, отличилась при блокаде крепости Модлине, в боях при Гамбурге. За храбрость получила несколько наград.

Из-за ранения Надежде пришлось вернуться в родной городок – отдохнуть и подлечить ногу. Встретиться с законным супругом и подростком сыном «поручик Александров» даже и не подумал, поскольку вообще не думал об оставленной им семье... Матушка скончалась, сестры повыходили замуж и разлетелись из родного гнезда, младший братец глядел на старшую сестру, как на чужого человека. Только сильно постаревший отец по-прежнему обожал свою Наденьку и не обращал внимания на происшедшие с ней разительные перемены. И это раздражало, пожалуй, больше всего.

Так что в скором времени Надежда (Александров) вернулся в армию и в составе своего полка – своего истинного родного дома! – участвовал в боях в Польше и Германии. За годы дальнейшей службы к формуляру поручика Александрова было добавлено, что «в Пруссии против французских войск в сражениях за отличие награжден знаком отличия военного ордена Св. Георгия 5-го класса». Между тем, несмотря на все предосторожности, в армии стал расползаться слух о необыкновенной женщине-офицере. Сама Надежда писала впоследствии и об этом:

«Все говорят, но никто ничего не знает; все считают возможным, но никто не верит; мне не один уж раз рассказывали собственную мою историю со всеми возможными искажениями: один описывал меня красавицею, другой уродкой, третий старухою, четвертый давал мне гигантский рост и зверскую наружность. Судя по этим описаниям, я могла бы быть уверенною, что никогда ничьи подозрения не остановятся на мне, если б не одно обстоятельство: мне полагалось носить усы, а их нет и, разумеется, не будет... Часто уже смеются мне, говоря: «А что, брат, когда мы дождемся твоих усов? Уж не лапландец ли ты?»».

Но возвращаться в прежнее женское состояние Александр Александров не хотел ни за какие блага. Тем не менее, после 10 лет службы – в 1816 году – пришлось все-таки выйти в отставку, скорее всего, по тайной и настоятельной просьбе самого императора. Военные действия закончились, а сам император уже не так тяготел к романтике, как прежде, и желал, прежде всего, порядка и спокойствия. Пришлось подчиниться.

В чине отставного штабс-ротмистра Надежда Андреевна (Александр Александрович) пожила какое-то время в Санкт-Петербурге у дяди-генерала. Но тому быстро прискучило столь экзотическое родство, да и отец в каждом письме заклинал любимую дочь вернуться на родину... Словом, через полгода бывшая амазонка вновь оказалась в Сарапуле, где ее пенсия позволяла жить в относительном достатке. Тем более, брат Василий занимает там должность городничего, а затем с ним переезжает в город Елабугу. Живет там тихо, одиноко и в полной неизвестности. Очень дружна она была с И.И. Шишкиным – отцом художника. Она с сочувствием относилась к его идеям и предлагала часть пенсии на восстановление городищенской башни.

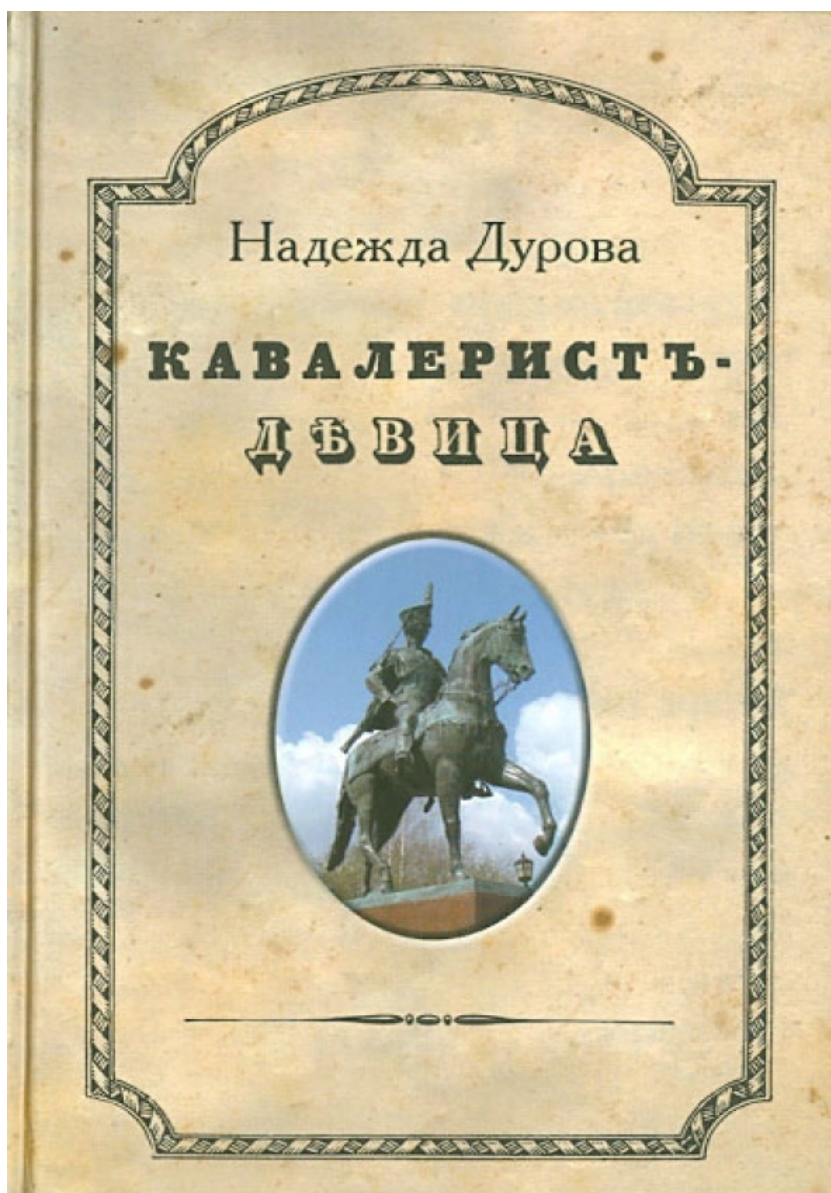
Ходила Надежда Андреевна постоянно в мужском костюме, курила, коротко стригла волосы, при разговоре закидывала ногу на ногу и упиралась рукой в бок, именовала себя в мужском роде, все письма подписывала фамилией Александров, сердилась, когда обращались к ней, как к женщине, и вообще отличалась, с точки зрения своего времени, не совсем обычным поведением.

Вот как описывает 54-летнюю Дурову видевшая ее в то время писательница А.Я. Панаева: «Она была среднего роста, худая, лицо земляного цвета... форма лица длинная, черты некрасивые; она щурила глаза и без того небольшие, Волосы были коротко острижены и причесаны, как у мужчин. Манеры у нее были мужские: она села на диван, уперла одну руку в колено, а в другой держала длинный чубук и покуривала». Конечно, такое поведение у современников Надежды Дуровой, вызывало немало пересудов, ее считали странной. Вот как сама Надежда Андреевна отзывалась о тогдашней моде:

«Я люблю смотреть на дамские наряды, - признавалась она, - но ни за какие сокровища не надела бы их на себя: мой уланский колет лучше! По крайней мере, он мне более к лицу, а ведь это, говорят, условие хорошего вкуса: одеваться к лицу».

В Елабуге, Надежда Андреевна, томясь от скуки и безделья, принимается писать «Записки», в которых описывает свою жизнь. Это произведение было бы обречено на безвестность, поскольку автор не испытывал никакого желания его публиковать, но... Но ее брат был знаком с Александром Сергеевичем Пушкиным. Их знакомство произошло еще в 1828 году во время путешествия поэта в Арзрум. Через 6 лет Пушкин получил письмо от старого знакомого, в котором говорилось, что сестра написала воспоминания и желает (по уговорам брата, видимо!) их издать. Пушкин с готовностью откликнулся:

«Если автор «Записок» согласится поручить их мне, то с охотой берусь хлопотать об их издании». Прочитав «Записки», Александр Сергеевич признал за их автором недюжинный литературный талант.

1 часть «Записок» была опубликована во втором томе журнала «Современник» в 1836 году, что и обрадовало, и огорчило их автора: под публикацией стояло имя Надежды Дуровой, а вовсе не Александра Александрова, мало того, текст был существенно сокращен, поскольку Александр Сергеевич довольно бесцеремонно убрал из него все «патетические красоты». Но и в таком виде

«Записки» имели среди читающей публики оглушительный успех: 2-я часть, опубликованная в том же году, тоже была принята с восторгом. В основном, правда, за счет личности самого автора.

Пушкин тоже глубоко заинтересовался личностью Надежды Андреевны, писал о ней хвалебные отзывы на страницах своего журнала и советовал продолжать писательскую деятельность. А при личной встрече и вовсе произошел курьез. Александр Сергеевич крайне любезно принял необычную гостью (точнее, если судить по одежде – гостя), похвалил ее талант, наговорил массу комплиментов и любезностей и даже поцеловал руку. Дурова от неожиданности вспыхнула, отшатнулась и воскликнула:

- Ах, Боже мой, я так давно отвык от этого!

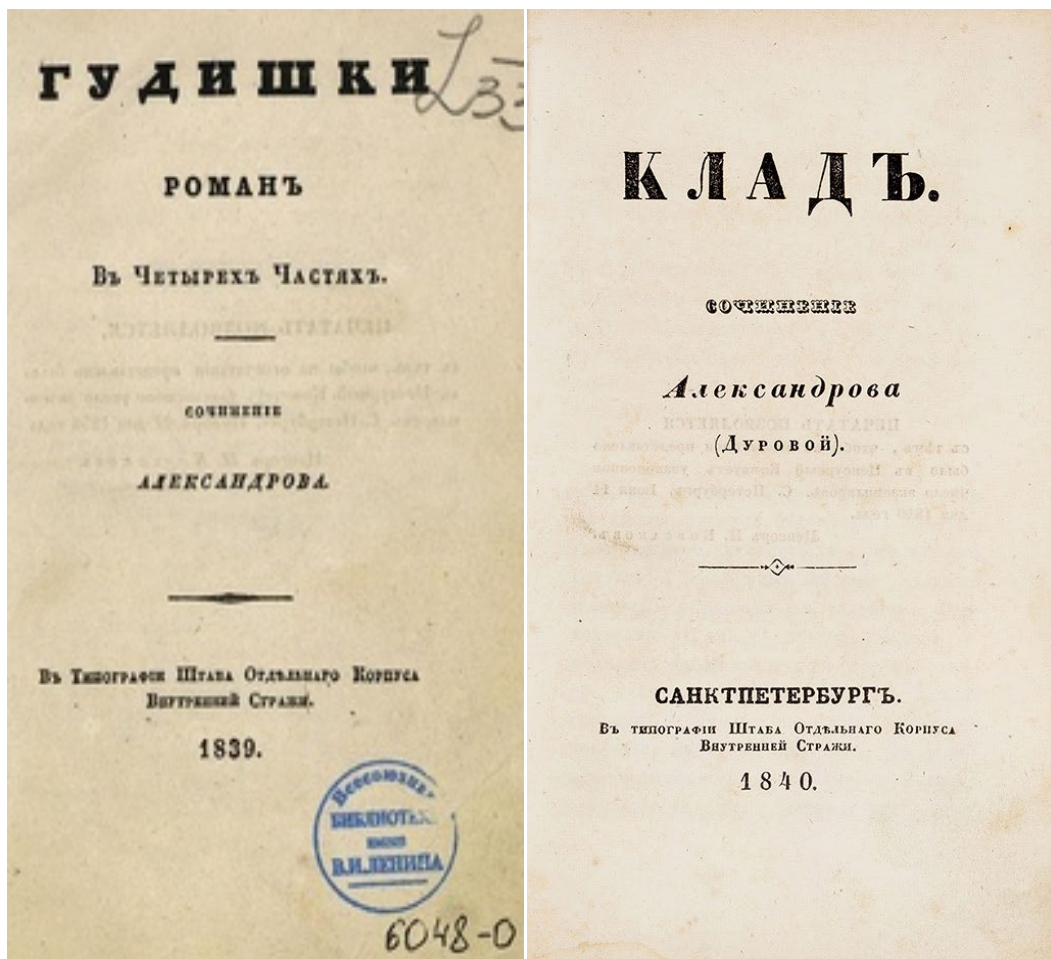
Успех «Записок» подтолкнул Надежду Андреевну к серьезному занятию писательской деятельностью. Она начала писать повести и романы, посвященные преимущественно раскрепощению женщины и преодолению разницы между общественным статусом женщины и мужчины. В скором времени вышло собрание сочинений «кавалерист-девицы» в 4 томах. Все они в свое время читались, вызывали даже хвалебные отзывы со стороны критиков. Особенно любопытен отклик Белинского:

«В 1836 году появился в «Современнике» отрывок из записок девицы-кавалериста. Не говоря уже о странности такого явления, литературное достоинство этих записок было так высоко, что некоторые приняли их за мистификацию со стороны Пушкина (!)». И действительно, стиль прозы Надежды Дуровой напоминал чем-то пушкинский.

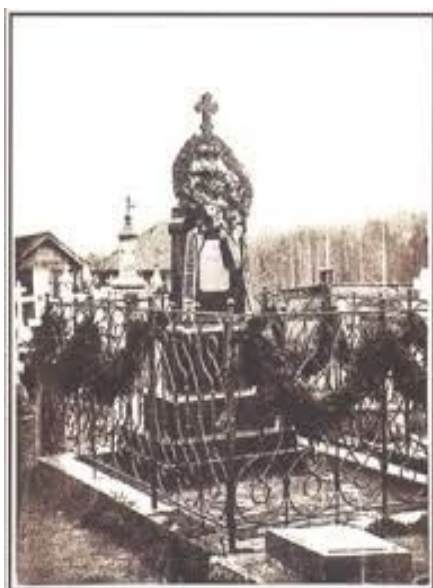
Казалось, жизнь отставного штабс-ротмистра складывалась вполне успешно. Надежду Андреевну охотно принимали в высшем петербургском свете и в Зимнем дворце. Император Николай I и великий князь Михаил Павлович здоровались с ней за руку, чего удостаивались даже не все генералы (!). Императрица водила ее по залам дворца, показывая редкие вещи и интересуясь ее мнением о батальных картинах.

По непонятной причине все это внезапно оборвалось. В 1840 году Надежда Андреевна прекратила литературный труд и навсегда уехала в Елабугу.

Еще при жизни Надежда Дурова стала достопримечательностью уездной Елабуги. Городские обыватели с уважением и некоторым страхом смотрели вслед прямой, облаченной в строгий мундир с Георгиевским крестом на груди фигуре, не желавшей общаться с местным обществом, тем более с женской его половиной. В ее домике привольно себя чувствовали кошки и собаки, заменявшие ей общение с жителями города.

Сына Ивана, с которым она почти не общалась, Надежда Андреевна пережила на 10 лет. Она ушла из жизни 2 апреля (21 марта) 1866 года. Похоронена легендарная кавалерист-девица на Троицком кладбище Елабуги со всеми воинскими почестями. В 1901 году на ее могиле состоялось торжественное открытие памятника. Вот что было написано на памятнике: «Надежда Андреевна Дурова, по повелению императора Александра – корнет Александров. Кавалер военного ордена. Движимая любовью к родине, поступила в ряды Литовского уланского полка. Спасла офицера, награждена Георгиевским крестом. Прослужила 10 лет в полку, произведена в корнеты и удостоена чина штабс-ротмистра. Родилась в 1783 г. Скончалась в 1866 г. Мир ее праху! Вечная память в назидание потомству ее доблестной душе!»

Памятникъ „кавалеристъ-девицѣ“ Надеждѣ Дуровой-Александровой, открытый 15-го октября 1901 г. въ г. Елабугѣ. По фот. арт. «Иллюст.»

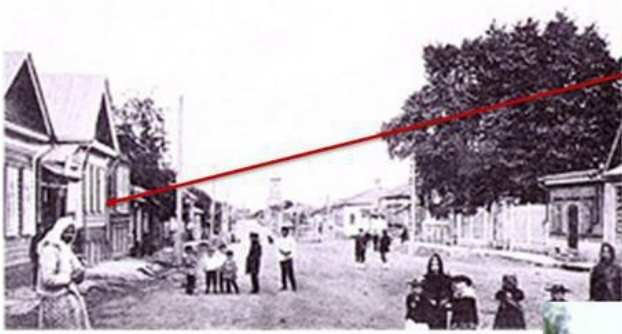
В 1993 году на Троицкой площади Елабуги был установлен конный памятник Надежде Дуровой.

В тот же год был открыт и музей Дуровой. В Елабуге к концу 20 века сохранилось 2/3 дома, в котором жила Надежда Андреевна. От остального сохранился только фундамент. Поэтому разобрали и то, что сохранилось, а на этом месте построили новый дом по рисункам из книги Александра Сакса, посещавшего Елабугу в 1901 году. Реконструкция в точности воспроизводит прежний дом.

Елабуга. Московская улица.

**г.Елабуга. Дом по
ул.Московская, где
более 30 лет
прожила
Н.А.Дурова**

**Музей-усадьба
Надежды Андреевны
Дуровой в г.Елабуга
(открыт в 1993 году)**

В 1996 году сотрудники музея узнали о потомках Дуровых, проживающих во Франции. Это сестры Анастасия, Надежда и Татьяна – правнучки младшего брата Надежды Андреевны, Василия. Того самого Василия, с которым она приехала в Елабугу, и который был там городничим. Из троих сестер только у Надежды есть потомки. У нее 6 правнуков, все они хорошо говорят по-русски, у них красивая и правильная речь. И они с большой теплотой вспоминают Отчизну.

Есть Дуровы и в России. Среди них – потомственные цирковые артисты. Дрессировщица Наталья Дурова, была еще и писательницей. В ее жизни было две любви – животные и литература (вот вам и сходство с кавалерист-девицей). Двоюродный брат Натальи – артист Лев Дуров. Но, хотя считается, что они потомки династии, архивных подтверждений тому нет, и неизвестно, какая это линия.

Хребту коня свой стан вверяя,
Свой пол меж всадников скрывая,
Ты держишь с ними трудный путь.
Кипит отвагой девы грудь,
И на коне наездник новый,
В руке сжав сабли рукоять,
Беллоны вид приняв суровый,
Летит на вражескую рать.

А. Глебов

Обзор подготовлен сотрудником отдела Сектора абонемента художественной литературы (Б-224). Использованы материалы из открытых источников Интернета <http://ru.wikipedia.org> и др.